

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ¹

Определение от 15 ноября 2007 года № 846-О-О/2007

Пункт 2, абз. 2:

Положения пункта 3 статьи 6 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующие такие отношения между основным и дочерним обществами, которые позволяют основному обществу влиять на деятельность дочернего общества при определенных обстоятельствах, направлены на защиту интересов дочернего общества от произвольных указаний основного общества и не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права и свободы [...]: для привлечения основного общества к субсидиарной ответственности наличие формально закрепленного за ним права влиять на деятельность дочернего общества может не иметь решающего значения, поскольку абзац третий пункта 3 статьи 6 Федерального закона «Об акционерных обществах» исходит из необходимости закрепления и возможности использования указанного права, а также наличия вины основного общества.

Определение от 23 декабря 2014 года № 2950-О/2014

Пункт 2, абз. 4:

[...] изменение положений законодательства о несостоятельности (банкротстве) само по себе не [влечет] отмену судебного акта арбитражного суда, которым он был привлечен к субсидиарной ответственности как бывший руководитель должника, и с него в пользу должника была взыскана денежная сумма. Прекращение исполнительного производства по исполнению данного судебного акта при таких обстоятельствах будет

¹ Настоящее информационно-тематическое собрание правовых позиций подготовлено Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации и не является исчерпывающим. Решения КС РФ, в которых содержатся правовые позиции, даны в хронологическом порядке.

означать нарушение гарантированного Конституцией Российской Федерации права взыскателя на судебную защиту, что недопустимо.

Определение от 9 февраля 2017 года № 219-О/2017

Пункт 3, абз. 8:

[...] федеральный законодатель с принятием Федерального закона от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ в части включения в Гражданский кодекс Российской Федерации пункта 6 статьи 123²² [в силу которого автономное учреждение отвечает по своим обязательствам всем находящимся у него на праве оперативного управления имуществом, за исключением недвижимого имущества и особо ценного движимого имущества, закрепленных за автономным учреждением собственником этого имущества или приобретенных автономным учреждением за счет средств, выделенных собственником его имущества; по обязательствам автономного учреждения, связанным с причинением вреда гражданам, при недостаточности имущества учреждения, на которое в соответствии с абзацем первым данного пункта может быть обращено взыскание, субсидиарную ответственность несет собственник имущества автономного учреждения] стремился усовершенствовать институт ответственности учреждений посредством снятия ограничений в отношении возможности возложения субсидиарной ответственности на собственника имущества автономного учреждения в случаях причинения вреда гражданам, установив тем самым дополнительные гарантии прав последних как более слабой стороны в правоотношениях с участием учреждения, и потому не может рассматриваться как нарушающее чьи-либо конституционные права [...].

Пункт 4, абз. 9:

Участники гражданско-правовых отношений, приобретая свои гражданские права своей волей и в своем интересе, будучи свободными в установлении своих прав и обязанностей на основе договора (статья 1 ГК Российской Федерации), в том числе и с муниципальными автономными

учреждениями, несут риск неудовлетворения своих имущественных требований. Поскольку законодательство не предусматривало и не предусматривает соответствующего объема гарантий для кредиторов муниципальных автономных учреждений (начиная с момента появления такого вида учреждений), это ориентирует контрагентов на проявление необходимой степени осмотрительности еще при вступлении в гражданско-правовые отношения с субъектами, особенности правового статуса которых не позволяют в полной мере прибегнуть к институту субсидиарной ответственности, предполагая возможность использования существующих гражданско-правовых способов обеспечения исполнения обязательств.

Постановление от 8 декабря 2017 года № 39-П/2017

Пункт 3, абз. 3, 4:

[...] особенность правонарушений, совершаемых в налоговой сфере организациями, заключается в том, что, будучи юридическим лицом, организация совершает противоправное деяние опосредованно – через действия соответствующих физических лиц (обычно руководителей или работников, выполняющих функции бухгалтера), которые тем самым совершают административное правонарушение или преступление и несут административную либо уголовную ответственность. При этом субъекты налоговых преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, а также иные лица, чьи противоправные действия привели к непоступлению налогов в бюджет, не освобождаются от обязанности возместить причиненный этими противоправными действиями имущественный ущерб соответствующему публично-правовому образованию, которое должно иметь возможность удовлетворить свои законные интересы в рамках как уголовного законодательства, так и гражданского законодательства об обязательствах вследствие причинения вреда.

В силу статьи 8 ГК Российской Федерации гражданские права и обязанности возникают, в частности, вследствие причинения вреда другому лицу, в том числе действиями, в результате которых публично-правовое образование – потерпевшее лицо лишается возможности получить имущество в виде налоговых поступлений в бюджет от юридического лица, обязанного их предоставить, – налогоплательщика. В таких случаях между причинителем вреда – физическим лицом, совершившим действия, которые повлекли невозможность реализации налоговых обязанностей непосредственно налогоплательщиком либо принудительного их исполнения в рамках налоговых правоотношений, т.е. фактическое прекращение последних, и потерпевшим – публично-правовым образованием возникают и гражданские правоотношения, а следовательно, не исключается возможность привлечения физических лиц помимо административной или уголовной ответственности и к деликтной ответственности, предусмотренной гражданским законодательством, в той мере, в какой совершение ими соответствующих правонарушений сопровождается причинением вреда бюджетам публично-правовых образований.

Пункт 3.1, абз.2:

То обстоятельство, что поступление налоговых платежей в бюджет происходит на основании не гражданско-правовых, а публично-правовых (налоговых) норм, не означает обязательность регулирования только Налоговым кодексом Российской Федерации отношений по поводу возмещения ущерба, причиненного бюджетам Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. В порядке, предусмотренном данным Кодексом, положениями которого определяются последствия неисполнения налоговых обязанностей, вызванного неправомерными действиями организации-налогоплательщика и работников, выполнявших функции, влияющие на исполнение ею налоговых обязательств, несет ответственность сама организация как налогоплательщик, т.е. юридическое лицо, а в порядке, установленном

нормами уголовного, административного и гражданского законодательства, могут нести ответственность ее работники как физические лица, т.е. правовое регулирование отношений по поводу возмещения имущественного вреда, причиненного бюджетам публично-правовых образований в результате невозможности получения налогов, может обеспечиваться за счет правового инструментария гражданского права.

Пункт 3.4, абз. 3:

[...] возмещение физическим лицом вреда, причиненного неуплатой организацией налога в бюджет или сокрытием денежных средств организации, в случае привлечения его к уголовной ответственности может иметь место только при соблюдении установленных законом условий привлечения к гражданско-правовой ответственности и только при подтверждении окончательной невозможности исполнения налоговых обязанностей организацией-налогоплательщиком. В противном случае имело бы место взыскание ущерба в двойном размере (один раз – с юридического лица в порядке налогового законодательства, а второй – с физического лица в порядке гражданского законодательства), а значит, неосновательное обогащение бюджета, чем нарушался бы баланс частных и публичных интересов, а также гарантированные Конституцией Российской Федерации свобода экономической деятельности и принцип неприкосновенности частной собственности (статья 8; статья 34, часть 1; статья 35, часть 1).

Пункт 3.5, абз. 3, 4:

[...] привлечение физического лица к гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный публично-правовому образованию в размере подлежащих зачислению в его бюджет налогов организации-налогоплательщика, возникший в результате уголовно-противоправных действий этого физического лица, возможно лишь при исчерпании либо отсутствии правовых оснований для применения предусмотренных законодательством механизмов удовлетворения налоговых требований за счет самой организации или лиц, привлекаемых к ответственности по ее

долгам в предусмотренном законом порядке, в частности после внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о прекращении этой организации, либо в случаях, когда организация-налогоплательщик фактически является недействующей, в связи с чем взыскание с нее или с указанных лиц налоговой недоимки и пени в порядке налогового и гражданского законодательства невозможно. Этим не исключается использование мер, предусмотренных процессуальным законодательством, для обеспечения возмещения причиненного физическими лицами, совершившими налоговое преступление, вреда в порядке гражданского судопроизводства после наступления указанных обстоятельств, имея в виду в том числе возможность федерального законодателя учесть особенности применения таких мер в данных правоотношениях с учетом выраженных Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций.

В тех же случаях, когда судом установлено, что юридическое лицо служит лишь «прикрытием» для действий контролирующего его физического лица (т.е. *de facto* не является самостоятельным участником экономической деятельности), не исключается возможность привлечения такого физического лица к ответственности за вред, причиненный бюджету в связи с совершением соответствующего налогового преступления, еще до наступления указанных признаков невозможности исполнения юридическим лицом налоговых обязательств.

Пункт 6, абз. 11:

[...] не могут предрешать выводы суда о возможности привлечения к гражданско-правовой ответственности лица, в отношении которого уголовное преследование по обвинению в налоговом преступлении было прекращено по нереабилитирующим основаниям, акты налоговых органов и послужившие основанием для возбуждения соответствующего уголовного дела материалы налоговых проверок деятельности организации-налогоплательщика, – равно как и материалы предварительного расследования, в деле о возмещении вреда они выступают письменными

доказательствами и по отношению к иным доказательствам, в том числе представляемым суду ответчиком, не обладают большей доказательственной силой. Соответственно, при рассмотрении заявленного потерпевшим гражданского иска о возмещении причиненного налоговым преступлением вреда суд – с учетом того, что для прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию требуется отсутствие возражений обвиняемого (подсудимого) против применения данного основания, – не связан решением о прекращении уголовного дела в части установленности состава гражданского правонарушения, однако обязан произвести всестороннее и полное исследование доказательств по делу и дать им оценку, с тем чтобы, следуя требованиям Конституции Российской Федерации, вынести законное, обоснованное и справедливое решение.

Определение от 27 сентября 2018 года № 2305-О/2018

Пункт 2, абз. 4:

[...] положение пункта 1 статьи 1064 ГК Российской Федерации [...] не [предполагает] привлечение лица к деликтной ответственности в отсутствие состава гражданского правонарушения, а также наличие права налоговых органов на преодоление выводов, сформулированных арбитражным судом при рассмотрении дела о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, посредством обращения в суд общей юрисдикции с требованием о возмещении бывшим руководителем юридического лица – налогоплательщика вреда в размере неуплаченных последним налогов, и, соответственно, принятие судами противоречивых решений [...].

Постановление от 5 марта 2019 года № 14-П/2019

Пункт 3.2, абз. 2, 3:

[...] установление состава гражданского правонарушения требуется при привлечении к гражданско-правовой ответственности, даже если

бездействие, повлекшее возникновение убытков, вызвано нарушением специальных норм Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Сам же по себе факт замещения должности руководителя организации-должника не может расцениваться как безусловно подтверждающий противоправность и виновность поведения соответствующего лица, а возникновение у уполномоченного органа расходов, связанных с делом о банкротстве, не может автоматически признаваться следствием противоправного поведения руководителя должника. В частности, неподача руководителем должника заявления о банкротстве возглавляемой им организации может быть обусловлена конкретными обстоятельствами ее деятельности. То, что вся ответственность за неподачу заявления должника не может в любом случае возлагаться исключительно на его руководителя, фактически признал и законодатель, дополнив Федеральным законом от 29 июля 2017 года № 266-ФЗ статью 9 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» пунктом 3¹ об обязанности иных контролирующих должника лиц подать заявление о признании его банкротом в случае, если такое заявление не было подано руководителем должника.

Пункт 4.2, абз. 3:

[...] неисполнение руководителем должника в предусмотренных законом случаях обязанности подать заявление о признании должника банкротом в арбитражный суд само по себе еще не влечет неизбежных расходов уполномоченного органа. Возникновение таких расходов, поскольку уполномоченный орган не обязан во всех случаях обращаться с указанным заявлением при наличии соответствующей задолженности, связано как с инициативным поведением самого этого органа, адекватностью оценки им финансового состояния должника, так и с действиями и решениями иных лиц, в том числе арбитражного управляющего, который в силу пункта 4 статьи 20³ [...] Федерального закона [«О несостоятельности (банкротстве)»] при проведении процедур, применяемых в деле о

банкротстве, обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества.

Пункт 4.2, абз. 5:

Без исследования обстоятельств, подтверждающих или опровергающих разумность и осмотрительность действий (бездействия) всех лиц, которые повлияли на возникновение и размер расходов по делу о банкротстве (самого руководителя должника, иных контролирующих должника лиц, уполномоченного органа, арбитражного управляющего и других), невозможно однозначно установить, что возникновение убытков у уполномоченного органа связано исключительно с противоправным поведением руководителя должника, которое выразилось в неподаче заявления о признании должника банкротом. Взыскание же с руководителя должника в полном объеме соответствующих расходов, возникших в том числе из-за неверной оценки уполномоченным органом и иными лицами возможности их погашения за счет средств должника, не отвечало бы общим принципам юридической ответственности, приводило бы к нарушению прав руководителя должника и тем самым противоречило бы статьям 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (части 1 и 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Постановление от 12 мая 2020 года № 23-П/2020

Пункт 3, абз. 5:

[...] бюджетные учреждения, имея специальную правоспособность, обладают имущественными правами для решения задач, которые ставит перед ними учредитель – публичный собственник, участвуют в гражданском обороте в очерченных законом границах и сообразно целям своей деятельности, выступая в гражданских правоотношениях от своего имени и неся, по общему правилу, самостоятельную имущественную ответственность по своим обязательствам.

Пункт 5, абз. 5:

[...] объектом взыскания фактически может быть лишь то имущество, которое учредитель муниципального бюджетного учреждения не посчитал нужным включить в соответствующий перечень. Это свидетельствует о том, что в правовом регулировании ответственности муниципальных бюджетных учреждений по своим долгам объем гарантий для их кредиторов сужен (с момента появления такого вида учреждений). Данное обстоятельство требует от контрагентов должной степени осмотрительности еще при вступлении в гражданско-правовые отношения с субъектами, специфика правового статуса которых не позволяет в полной мере прибегнуть к институту субсидиарной ответственности и предполагает возможность использовать существующие способы обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств.

Пункт 7, абз. 1, 2:

[...] [арбитражные суды], вынося решения о невозможности привлечь собственника имущества ликвидируемого муниципального бюджетного учреждения к субсидиарной ответственности по обязательствам этого учреждения, вытекающим из публичного договора теплоснабжения, руководствуются в том числе [пунктом 5 статьи 123²² ГК Российской Федерации] и последовательно исходят из установленных законом особенностей организационно-правовой формы муниципального бюджетного учреждения как юридического лица. При этом не принимаются во внимание как общие и специальные цели создания и важные аспекты деятельности муниципального бюджетного учреждения в рамках выполнения возложенных на него полномочий, реализация которых требует заключения им публичных договоров, так и невозможность его контрагентов отказаться от заключения и исполнения таких договоров. Вопреки положению статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, сложившийся подход не может обеспечить надлежащего баланса между законными интересами должника и кредитора, поскольку не исключает злоупотреблений правом со стороны должников – муниципальных

бюджетных учреждений, имущество которых в ряде случаев оказывается, по сути, «защищено» их публичным собственником от имущественной ответственности перед контрагентами.

При отсутствии юридической возможности снять ограничения в отношении возложения субсидиарной ответственности на собственника имущества бюджетного учреждения, в том числе муниципального (включая случаи недостаточности находящихся в его распоряжении денежных средств для исполнения своих обязательств из публичного договора теплоснабжения при его ликвидации), подобное правовое регулирование способно повлечь нарушение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав стороны, заключившей и исполнившей публичный договор и не получившей встречного предоставления.

Постановление от 21 мая 2021 года № 20-П/2021

Пункт 3, абз. 6, 7:

По смыслу пункта 3¹ статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», рассматриваемого в системной взаимосвязи с положениями пункта 3 статьи 53, статей 53¹, 401 и 1064 ГК Российской Федерации, образовавшиеся в связи с исключением из единого государственного реестра юридических лиц общества с ограниченной ответственностью убытки его кредиторов, недобросовестность и (или) неразумность действий (бездействия) контролирующих общество лиц при осуществлении принадлежащих им прав и исполнении обязанностей в отношении общества, причинная связь между указанными обстоятельствами, а также вина таких лиц образуют необходимую совокупность условий для привлечения их к ответственности. Соответственно, привлечение к ней возможно только в том случае, если судом установлено, что исключение должника из реестра в административном порядке и обусловленная этим невозможность погашения им долга возникли в связи с действиями

контролирующих общество лиц и по их вине, в результате их недобросовестных и (или) неразумных действий (бездействия).

Неосуществление контролирующими лицами ликвидации общества с ограниченной ответственностью при наличии на момент исключения из единого государственного реестра юридических лиц долгов общества перед кредиторами, тем более в случаях, когда иски кредитора к обществу уже удовлетворены судом, может свидетельствовать о намеренном, в нарушение предписаний статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, пренебрежении контролирующими общество лицами своими обязанностями, попытке избежать рисков привлечения к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве общества, приводит к подрыву доверия участников гражданского оборота друг к другу, дестабилизации оборота, а если долг общества возник перед потребителями – и к нарушению их прав, защищаемых специальным законодательством о защите прав потребителей.

Пункт 4, абз. 2, 3:

Само по себе исключение общества с ограниченной ответственностью из единого государственного реестра юридических лиц – учитывая различные основания, при наличии которых оно может производиться, возможность судебного обжалования действий регистрирующего органа и восстановления правоспособности юридического лица, а также принимая во внимание принципы ограниченной ответственности, защиты делового решения и неизменно сопутствующие предпринимательской деятельности риски – не может служить неопровержимым доказательством совершения контролирующими общество лицами недобросовестных действий, повлекших неисполнение обязательств перед кредиторами, и достаточным основанием для привлечения к ответственности в соответствии с положениями, закрепленными в пункте 3¹ статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Соответственно, лицо, контролирующее общество, не может быть привлечено к субсидиарной ответственности, если докажет, что при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по обычным условиям делового оборота и с учетом сопутствующих деятельности общества с ограниченной ответственностью предпринимательских рисков, оно действовало добросовестно и приняло все меры для исполнения обществом обязательств перед своими кредиторами.

[Постановление от 16 ноября 2021 года № 49-П/2021](#)

Пункт 6, абз. 2, 3:

При недостатке у должника средств для покрытия долгов, что является характерной ситуацией для процедуры банкротства, негативные последствия нередко несут контролировавшие должника лица, привлеченные к субсидиарной ответственности. Даже если в итоге расчеты с кредиторами осуществляются за счет сохранившегося имущества должника, до их завершения объем включенных в реестр требований также влияет на правовое положение субсидиарного должника, во многом определяя состав и объем предпринятых обеспечительных мер и тем самым ограничивая его имущественные права. При этом включение всех возможных требований в реестр требований кредиторов затрагивает права и законные интересы этого лица и в том случае, когда оно непосредственно не названо в конкретном судебном акте. В рамках же обособленного производства контролировавшее должника лицо уже не имеет возможности оспорить размер задолженности должника перед кредитором и обоснованность включения соответствующего требования в реестр. Таким образом, наличие нормативного регулирования, позволяющего привлечь контролировавших должника лиц к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве, свидетельствует о необходимости обеспечения этих лиц и надлежащими средствами судебной защиты, включая возможность обжаловать судебное решение, принятое в рамках того же дела о банкротстве по результатам рассмотрения заявления

кредитора о включении его требований в реестр требований кредиторов, в части определения размера данных требований за период, когда субсидиарный ответчик являлся контролирующим лицом по отношению к должнику.

Отсутствие в указанных случаях возможности обжаловать судебный акт ухудшает процессуальные возможности защиты прав этих лиц по сравнению с лицами, перечисленными в пункте 1 статьи 34 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», повышает риски принятия произвольного решения в части определения размера требований кредиторов в рамках дела о банкротстве, поскольку доводы лица, привлеченного к субсидиарной ответственности, остаются без внимания и тем самым создаются формальные препятствия для оценки такого решения на предмет его законности и обоснованности. Снижение уровня гарантий судебной защиты прав лиц, привлеченных к субсидиарной ответственности, нельзя признать справедливым и соразмерным в контексте предписаний статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

[Постановление от 7 февраля 2023 года № 6-П/2023](#)

Пункт 5.2, абз. 1, 3-4:

[...] Кредитор должен проявлять в отношениях с должником требуемую по условиям оборота заботливость и осмотрительность, включая своевременное использование механизмов досудебной и судебной защиты прав и принудительного исполнения судебных решений.

[...] с учетом положений пункта 3 статьи 307, подпункта 1 пункта 3 статьи 307.1 и пункта 2 статьи 1083 ГК Российской Федерации, правовой природы субсидиарной ответственности лица, контролирующего должника, и требований к добросовестному поведению участников гражданского оборота, в том числе когда речь идет о лицах, занимающихся профессиональной деятельностью, включая предпринимателей, поведение

кредитора-предпринимателя не должно приводить к увеличению размера вреда, причиненного контролирующими должника лицами.

Стандарт добросовестного поведения кредитора как стороны спора о привлечении к субсидиарной ответственности лица, контролирующего должника, предполагает, в частности, невозможность безосновательно ссылаться на трудности в доказывании противоправности поведения ответчика и причинной связи между таким поведением и вредом при наличии фактически полного доступа к сведениям и документации о хозяйственной деятельности должника в силу, например, аффилированности с ним, принадлежности заявителю государственно-властных полномочий, позволяющих получить указанную информацию, в силу особого положения на рынке, требований, обычно предъявляемых в гражданском обороте к отношениям между подобными хозяйствующими субъектами, сложившихся между кредитором и должником правил взаимодействия, обуславливающих раскрытие этих данных должником перед кредитором, и т.д.

Пункт 6, абз. 2:

[...] по смыслу подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Закона о банкротстве и пункта 3.1 статьи 3 Закона об ООО, рассматриваемых в системной связи с пунктом 4 статьи 1, статьей 10, пунктом 3 статьи 53 и пунктами 1–3 статьи 53.1 ГК Российской Федерации, пунктом 2 статьи 61.11 и пунктом 4 статьи 61.16 Закона о банкротстве, если кредитор, обратившийся после прекращения судом производства по делу о банкротстве (до введения первой процедуры банкротства) с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, утверждает, что такое лицо действовало недобросовестно и (или) неразумно, и представил судебные акты, подтверждающие неисполнение обществом обязательств перед ним, а также доказательства фактического прекращения хозяйственной деятельности общества (его исключения из ЕГРЮЛ), суд должен оценить возможности кредитора по получению доступа к сведениям и документам о хозяйственной деятельности должника, вероятность фактической реализации

этих возможностей и предложить лицам, участвующим в деле, в том числе ответчику, представить дополнительные доказательства, необходимые для выяснения обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела. В отсутствие у кредитора, действующего добросовестно, доступа к сведениям и документации о хозяйственной деятельности должника и при отказе или уклонении контролирующего лица от дачи пояснений (отзыва) о своих действиях (бездействии) при управлении должником, о причинах неисполнения обязательств перед кредитором и прекращения обществом хозяйственной деятельности (в том числе при неявке в суд) или при явной неполноте пояснений, при непредставлении доказательств правомерности своего поведения (т.е. при установлении судом недобросовестности поведения контролирующего должника лица в процессе) обязанность доказать отсутствие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности возлагается судом на лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности. [...]

Постановление от 30 октября 2023 года №50-П/2023

Пункт 3, абз. 7–8:

Принципам справедливости и соразмерности во всяком случае не отвечала бы ситуация, когда лица, чьи действия по уклонению от уплаты налогов, подлежащих уплате организацией, получили негативную уголовно-правовую оценку, не несут бремя уплаты штрафа за налоговое правонарушение, наложенного на эту организацию (в том числе при ее прекращении или при установлении, что она является фактически недействующей), а контролирующие должника лица, чьи действия такую оценку не получили, данное бремя в порядке субсидиарной ответственности за действия организации-должника при ее банкротстве несут.